

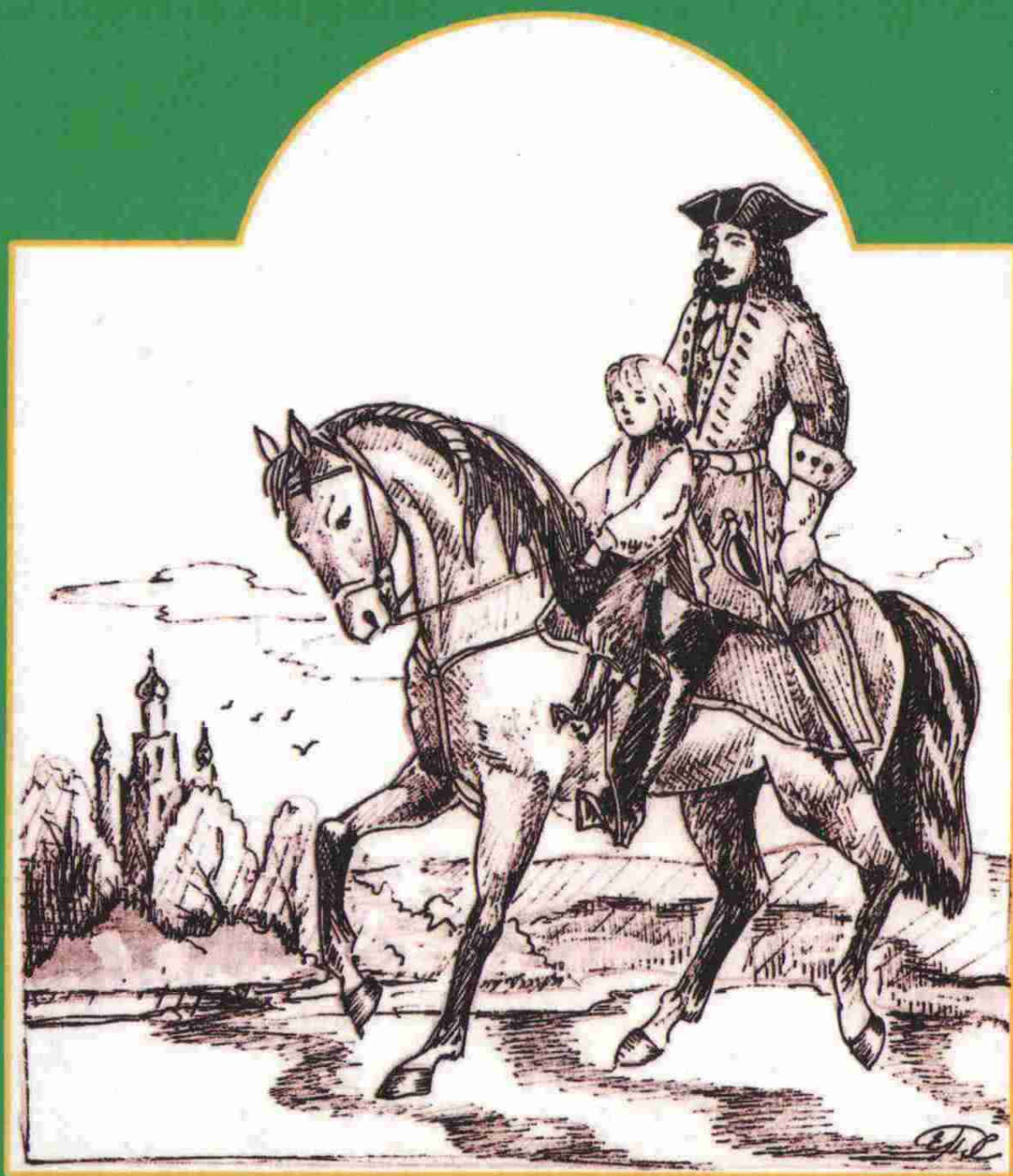
Op84

X93

A-403400

Павел Хрипко

**КАПИТАНСКИЙ СЫН - 3
КРЕПОСТЬ НА ЗАПОЛЬНОЙ РЕКЕ**



Op 84
X 93

Op 84

84(2-411.2)6-4

+Op 84.5

Павел Хрипко *гар*

A-403400

Капитанский сын

книга 3

Крепость на Запольной реке

Роман



к р

Челябинск
"Павлин"
2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Биография автора

Хрипко Павел Дмитриевич родился в южном Оренбуржье, селе Яман, Илекского района, 30 июня 1942 года. Окончил часовое училище и литературное отделение историко-филологического факультета Курганского педагогического института. Работал мастером на Угличском часовом заводе «Чайка», Златоустовском заводе секундомеров, учителем, завучем в родном селе. С 1980 года живёт в городе Троицке, где является руководителем старейшего на Урале народного литературного объединения «Степь». Автор романа, сборников повестей, рассказов, очерков: «Записки часовщика», «Своими глазами», «Четверть века на сцене», трилогии «Капитанский сын», исследования фактов биографии И.А.Крылова – публикация в сборнике «Михайловская Пушкиниана».

Дипломант Южно-Уральской литературной Премии, лауреат Премии губернатора имени генерал-майора Ф.Н.Старикова, член Союза писателей России. Более тридцати лет является участником Троицкого народного казачьего Заслуженного хора Южного Урала.

В автопутешествиях побывал: на Горном Алтае, на Украине, в Абхазии, Чечне, городе Беслане (РСО-Алания), Казахстане, Карелии, Крыму, Италии. А также на родине В.И.Даля, И.И.Неплюева, С.А.Есенина, М.А.Шолохова, В.М.Шукшина, в Пушкинском селе Михайловское.

КРЕПОСТЬ НА ЗАПОЛЬНОЙ РЕКЕ

Часть первая. По разорённой земле

1. Первые версты

В день Святого Великомученика Георгия Победоносца, вскоре после освобождения Яицкого городка от мятежников, из Оренбурга, вниз, по правому берегу Яика, двигалось несколько полукрытых бричек в сопровождении группы казаков.

Передней повозкой правил Иван Кириллович Акутин, пятидесятилетний войсковой старшина, депутат упразднённой Уложённой комиссии. Крутобокий коренник да две пристяжные по бокам, легко, без особого напряжения тянули нагруженную повозку.

Позади деда Ивана, свесив ноги, рядом, плечом к плечу сидели два неразлучных дружка: внук Кирька да Ванюшка Крылов, сын драгунского капитана.

Мальчуганы впервые в жизни отправились в дальнюю дорогу и с жадным, ещё не надоевшим интересом, радовались всему, что попадалось им на глаза, таращились на проплывающие мимо них удивительные картины. То дивовались на высоченную, с крыльями-лестницами, ветрянную чудо-мельницу на горе, похожую на рукастого великана без головы, то хмурнели, завидя белые, отмытые дождем черепа лошадей в придорожной канаве, то вздрагивали от пронзительного свиста крыльев пролетающих к реке стаи уток на бреющем полёте.

Вдруг кони тревожно захрапели, застригли ушами, а из густого чилижника, обочь дороги, выскочила целая свора разномастных собак и набросилась с лаем на лошадей.

Ребята кинулись было их отгонять, но Кириллович строгим окриком вернул их на место:

– Эти собаки, мать чиста, настоящие звери! Они, поди, и мертвечиной не брезговали, их лучше не трогать, кусить могут.

Стеганув кнутом ближнего пса, дед Иван, понужнув коней, заторопился оторваться от стаи одичавших псин, но те, забегая вперёд, не давали прохода. Старина, откинувшись назад, потянулся было за карабином, но подскочившие казаки вмиг разогнали всю свору.

Вскоре за обгорелым берёзовым колком, тянущимся по самому берегу Яика, показалась не разорённая мятежниками, уютная Чернореченская крепость. Ей повезло. Губернатор Рейнсдорп ещё до падения Татищевой, приказал коменданту, премьер-майору Краузе, увести гарнизон со всеми орудиями и скарбом в Оренбург. Разорив Татищевскую крепость, мятежники превратили соседнюю Чернореченку в огромную хлебопекарню для кормления многоротого восставшего люда.

С дороги была видна краснокирпичная церковь с приземистым куполом и островерхой колокольной с почерневшим крестом. Она царственно, как бы презрев людские невзгоды и страдания, возвышалась над нетронутым крепостным валом, щелястым заплотом, посадом с ободранными кровлями и сиротливо торчащими стропилами. Издали были заметны и фигурки людей. На одном из самых высоких домов перекрывали крышу, стучали молотками. Эхо далеко разносилось по округе. Жизнь налаживалась.

А у крайней саманушки, прямо у самой дороги, не обращая внимания на проезжающих, голенастый телок, с жёлтыми подпалинами на брюхе, пользуясь беззаботностью хозяйки, уткнув голову в пах корове, опорожнял вымя своей кормилицы. Бурёнка, отмахиваясь от жлящих слепней, хлёсткой плетью хвоста, била и его по спине, но увлечённый сосунок терпел, не обращая на это внимания. Ребята впервые видели такое диво и долго хохотали, вытягивали губы, изображая в лицах телёнка.

2. Бунчук

Иван Кириллович, чувствуя спиной шебутных подростков, молча правил конями, сторожко поглядывая по сторонам. Тяжёлые думы, как каменные мельничные жернова ворочались в его седой голове:

"Как там Аграфена без него управлялась, не обидел ли кто? Время-то было тяжкое, не приведи Господь. Столько лихих людей породило. Заботил его и Андрей Крылов, которого после гибели Прохора, верного своего друга Ивана, считал вторым сыном. Как ещё скажется на нём эта проклятая белая глина, которой в осаде приходилось уголять голод? Да и ранения, поди, имеет, за спинами солдат, ить, никогда не прятался".

Вскоре миновали и разорённую Татищеву крепость. Весенние дожди загасили пожарище, но не смогли смыть въевшуюся чёрную копоть с полу сгоревшего заплота и обугленных жилищ. Стойкий запах горелого дерева и тошнотворного тлена трупов всё ещё висел в воздухе, и сиротливая тоска разорения навевала тоскливые мысли.

Здесь, как и в Чернореченской, заметны были стаи крупных ворон, но ни людей, ни скота на уже зеленеющей гари видно не было. За станицей внимание всех вдруг привлекла свора собак, которая, вытянувшись в цепочку, гналась за одиноким, довольно крупным псом коричнево-белой масти. Как ни странно, но беглец повернул не в ближний колок, а к передней бричке, словно, искал спасения у людей. Недалеко от возка грязно-серый свирепый кобель, смахивающий на волка, успел цапнуть за бок беглеца. Тот вмиг развернулся, и смело вступил в схватку с преследователем, но подскочила остальная стая и началась бешеная круговерть. Мальчуганы, затаив дыхание, молча следили за неравной схваткой. Они впервые в жизни так близко видели страшную в своей очевидности жестокую борьбу за жизнь и ждали неминуемой гибели несчастного пса.

– Дед! – закричал Кирька, полным отчаянья голосом, – они ж его сейчас разорвут! Вишь, их сколько, а он один! Давай разгоним этих зверюг и спасём его!

Иван Кириллович, с тревогой наблюдавший за происходящим, вдруг резко развернулся и длинным бичом со свинцовыми шариками на конце, секанул в самую гущу схватки. Собачье кубло с визгом рассыпалось в стороны, бросив искусанного страдальца на обочине.

– Дед! Давай возьмём его в кибитку, они ж всё равно его загрызут. Вон их сколько, зверюг! – наперебой кричали ребята.

Кириллыч, натянув вожжи, остановил коней и, соскочив с брички, подошёл к псу. Тот завилял хвостом и доверчиво лизнул руку спасителю. Шерсть клочьями свисала с его боков, а в местах укусов сочилась кровь.

– Ну, что, Бунчук, поедем с нами, вчетвером будет веселее.

Осторожно, стараясь не касаться ран, дед поднял пса и перенёс его в кибитку. Передав вожжи Ивану, достал из кожаной сумки стеклянный пузырёк со снадобьем и вместе с Кирилкой стал бережно обрабатывать укусы на теле кобеля.

– Ты уж потерпи, Бунчук, чичас подлечим тебя, и всё заживёт, как на собаке, – улыбаясь в бороду, гудел Кириллович.

– Дед! А откуда ты знаешь, что его Бунчуком кличут?

– Так у него на морде написано, – прищурив глаз, усмехнулся старый, – храбрый до отчаянности, не побоялся даже с целой сворой сцепиться.

Пёс, уткнув острую морду в передние лапы, посматривал на своих спасителей, привыкая к новым хозяевам.

– Собачка-то приручённая, не одичала. Видно, хозяев-то побили, вот он и блукает.

– Дед! Так он же голодный?

– Вестимо. Возьми в сумке кусок лепёшки. Будет лишё есть, от чужих-то.

– Он понюхал, поглядел на меня и всё съел.

– Ну, отломи ему ишо чуток. Много-то сразу нельзя. Он, поди, изголодался, может и заболеть.

Ваня впервые правил конями, сидя в бричке и ему это нравилось. Он слушал разговор деда с внуком и ему тоже хотелось поглядеть на Бунчука, как окрестил его дедуня, потрогать его лапы, нос, уши, но он теперь исполнял обязанности ездового и не имел права отвлекаться.

* * *

Далеко впереди обоза, но в пределах видимости, рысילו два отделения казаков, ещё десяток верховых замыкали повозки с тыла. Когда собирали команду для поездки в Яицкий городок, Иван Кириллович воспротивился тому, чтобы брать в сопровождение целый взвод охраны.

– Придумали тоже, для конвоя всего-то пяти бричек цельное войско снарядили, к чему? Будто на свадьбу.

Возмущения войскового старшины прервал командир особой гарнизонной сотни, подьесаул Акутин-младший:

– Ты, батя, понапрасну хорохоришься. Больно смелый стал. Не ведаешь, сколь теперь башибузуков на всей Нижне-Яицкой линии зверствует? Разворошили такое осиное гнездовище, самому Пугачу было б завидно. Оно, конечно, мятежники частью перебиты, частью попрятались, иные с «анпиратором» по Расее мотаются, но теперь не их надо бояться. По дорогам ноне мародёры безнаказанно шныряют, да и соседи с Бухарской стороны засады устраивают. Россия-то теперь расхристанная, как мужик после отчаянной драки. Взвод не помешает. Да и в команде почти все яицкие казачки, на побывку с оказией едут.

* * *

Проскочили ещё с десяток вёрст от татищевского пепелища. Завечерело. Дед Иван, понукивая уже уставших коней, всматривался в пробегающие перед глазами переле-

ски, подыскивая место для бивака. Кирилка, свернувшись в клубок, посапывая, дремал в глубине кибитки, рядом с Бунчуком.

Ваня, как зачарованный, не отрываясь, следил за быстро меняющейся картиной уходящего дня. От могучей шири Яика уже веяло прохладой, огненный шар коснулся окоёма и на прощанье зажёг оранжевым полымем белёдые облака. Сытые стаи уток, возвращаясь с полей, плюхались в воду, бороздя лапами спокойную гладь реки. Стало смеркаться.

Съехали в низинку, к воде, под покров берёзового колка и расположились на ночлег. Распрягли коней, разожгли костёр, сварили на скорую руку затируху с шкварками, нарезали сала, луку, поужинали. Посидели у тихо струящегося, ещё не вошедшего в своё русло Яика. Казаки, рассевшись на крутом приступке берега, хлебнув кизлярки, негромко затянули протяжную песню: «Поехал казак на чужбину далёко, на добром своём, на коне вороном. Он край свой родимый навеки покинул, ему не вернуться в родительский дом...»

Допев до конца, выставили караул, стреножили коней и легли спать. Ваня с Кириллом долго не могли уснуть. Их будоражило увиденное впервые такое огромное, неохватное небо и скопище глазастых завораживающих звёзд.

3. Озорники

Утром караульные доложили: ночью на Бухарской стороне, за Яиком, слышны были выстрелы, ржали кони, будто и люди кричали, и выли то ли волки, то ли собаки. И только теперь, на свежую голову, Ивану Кирилловичу пришло прозрение, как обухом по черепушке, запоздалое помышление:

"А ведь Сёмка был прав! Какой же я был дурбень, что настаивал ехать почти без охраны. Ведь теперь орда без-

боязненно подползла к левому берегу, засады устраивает, нападения, поди, и Яик теперь переползает без опаски. А кого им бояться? Редуты да форпосты порушены, крепости разорены, казаки разбежались, а то и гниют по урёмам, волкам да собакам пожива. Эти анчутки даже и здесь, на правом берегу, нас подкарауливать могут. Мне, старому, голову смахнут, а молодняк на продажу. Вот был бы подарочек Андрею по моей прихоти. Недаром же говорят, что от старых дураков молодым житья нет, – ругал себя Кириллович, – а всё ж таки Сёмка молодец, весь в меня, предусмотрительный".

Отдохнувшие кони шли крупной рысью, но вот впереди обозначился подъём, и они перешли на шаг.

Ребята устали от тряской брички и им захотелось размяться. Испросив разрешение у деда Ивана, Кирька с Ванюшкой соскочили с повозки и наперегонки рванули по крутому подъёму, далеко опередив обоз, помчались по дороге к рысящему впереди казачьему авангарду. Кирилка, поравнявшись с конниками, вырвался было вперёд, но сразу же был остановлен окриком старшего урядника:

– А ну, стой! Охолонь трохи, далее не беги! Там в кустах шишига сидит!

– А мы шишиг не боимся! – ответил запыхавшийся Ванюшка.

Урядник что-то буркнул казаку и подозвал мальчишек:

– Вы на коня-то хоть раз сажались?

– Да! – бойко ответил Кирилл, – у нас с Ванькой свои кыргызы в Оренбурге остались, трофейные. Нам батя их на время подарил.

– О, да вы настоящие казаки, – обрадовался урядник, – ну тогда попробуйте на наших кониках погарцевать.

Два молодых казака спешили по знаку командира и подвели коней мальчуганам. Подсадили их в сёдла, подогнали путлища стремян и, хлопнув ладонями по крупу коней, проводили новоявленных казаков в дорогу. Сами побежали рядом, надеясь размять затёкшие ноги. Ото-

ропевшие от такого щедрого приглашения служивых, хлопцюганы, разобрав поводья, «пришпорили» пятками коней и, перейдя с рыси на галоп, вырвались вперёд и моментально скрылись из виду, оставив тучу пыли.

Опешивший урядник, не ожидавший такой дерзости от подростков, ругая себя последними словами, что доверился своевольным сорванцам, стремглав кинулся в погоню с десятком казаков. Оставшиеся служивые продолжали рысить, не отдаляясь от обоза.

Потомственный казак Кирька, хлеща концами поводьев по крупу коня, мчался первым, за ним, пригнувшись к самой гриве, полным галопом шёл Иван. Чтобы настичь беглецов, казакам пришлось пустить своих коней во весь опор, в полную слань. Только на третьей версте, почти у самой Нижне-Озерной крепости, удалось догнать и загородить дорогу озорникам. Разгорячённый урядник, размахивая нагайкой, отчитал, как следует сорванцов, ссадил их с коней и приказал дожидаться своей брички.

– Погодьте, вам ещё Иван Кириллыч всыплет горячих, а я добавлю, если позволит, – не унимался урядник.

Приткнувшись на обочине, мальчишки, понуриив головы, не глядя друг на друга, виновато ковыряли носками сапог свежую дернину, поджидая повозку.

На удивление провинившихся друзей, дед Иван не укорил их ни единым словом, видно, припомнил и своё небезгрешное детство и, только широко улыбнувшись, молвил:

– Ну что, размялись маненько, и от урядника досталось? Ништо. Обиду на него не таите. Он, ить, прав. Места здесь теперь опасные, – и, тая в усах улыбку, добавил, – а вы без оружия. А вдруг навстречь неприятель, а у вас ни сабли, ни ружьишка завалящего. Что будете делать? Только плен. А ежели ордынцы, не дай Бог, тады верёвку на шею и в Бухару на базар. А там рабство на всю жизнь. Да ещё к какому хозяину попадёшь, а то ещё в первый же год запорют.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26